

Данилова Н. К. «Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского / Н. К. Данилова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 6. — С. 288—301. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301.

Danilova, N. K. (2022). 'Imagination of North' in Author's Landscape of V. L. Seroshevsky. *Nauchnyi dialog*, 11(6): 288-301. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-288-301

«Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского

Данилова Наталья Ксенофоновна
orcid.org/0000-0002-3728-5738
кандидат исторических наук,
отдел археологии и этнографии
dan_nataliksen@mail.ru

ЯНЦ СО РАН,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

'Imagination of North' in Author's Landscape of V. L. Seroshevsky

Nataliya K. Danilova
orcid.org/0000-0002-3728-5738
PhD in History,
Department of Archeology and
Ethnography
dan_nataliksen@mail.ru

YaSC SB RAS,
The Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Данилова Н. К., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Автор статьи обращается к осмыслению персонального биографического нарратива, в котором находят отражение представления человека о географической среде, то есть феномен «воображения пространства». Актуальность исследования объясняется тем, что современная гуманитаристика разрабатывает и применяет новые методологические принципы и подходы для выявления механизмов адаптации личности в принципиально иных, «чужих» условиях. Материалом исследования послужили эго-документы, мемуарная и художественная литература под авторством В. Л. Серошевского, польского политического эмигранта, проведшего в Якутии 12 долгих лет. Цель исследования — выявление содержательной основы геоэтики Вацлава Серошевского, которая заключается в моделировании и трансформации образа Севера через призму «проживания и переживания» пространства. В статье применены методологические принципы современных кросс-культурных исследований, где жизнь человека рассматривается как нарративная структура. В результате историко-когнитивного и лингво-культурологического анализа впервые проанализирован автобиографический хронотоп Серошевского, состоящий из трех периодов, транслирующих формирование, становление и трансформацию геокультурного образа Севера. Выявлены три актуальных образа-топоса (море, лес, степная долина), связанные с эмоционально-чувственным фактором, повлиявшим на авторский ландшафт Вацлава Серошевского.

Ключевые слова:

геоэтика; биографический нарратив; воображение севера; геокультурные образы; топосы; пространственные категории.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author of the article refers to the comprehension of a personal biographical narrative, which reflects a person's ideas about the geographical environment, that is, the phenomenon of "imagination of space". The relevance of the study is explained by the fact that modern humanities develop and apply new methodological principles and approaches to identify mechanisms for adapting a person in fundamentally different, "foreign" conditions. The material of the study was the ego-documents, memoirs and fiction of V. L. Seroshevsky, a Polish political exile who spent 12 long years in Yakutia. The aim of the study is to identify the content basis of Vaclav Seroshevsky's geopoetics, which consists in modeling and transforming the image of the North through the prism of "living and experiencing" space. The methodological principles of modern cross-cultural research, where human life is a narrative structure are applied in the article. As a result of historical-cognitive and linguo-culturological analysis, Seroshevsky's autobiographical chronotope, consisting of three periods, broadcasting the formation, development and transformation of the geo-cultural image of the North, was analyzed for the first time. Three actual images-topoi (sea, forest, steppe valley) associated with the emotive-sensual factor that influenced the author's landscape of Vaclav Seroshevsky were identified.

Key words:

geopoetics; biographical narrative; imagination of the north; geocultural images; topoi; spatial categories.

«Воображение Севера» в авторском ландшафте В. Л. Серошевского

© Данилова Н. К., 2022

1. Введение = Introduction

Имя Вацлава Леопольдовича Серошевского в исторической и культурной памяти якутского народа занимает почетное место. Его наследие — особая ниша в якутоведении. Это уникальный корпус фактических материалов, отражающих геопанораму якутской культуры конца XIX века.

Особенность авторского ландшафта В. Серошевского заключается в том, что его исследовательское мышление формировалось параллельно с художественным творчеством, поэтому выделяется на общем фоне «остротой наблюдения, нужной как в науке, так и в литературе» [Армон, 2001, с. 162]. Как заметил известный ученый, один из первых представителей якутской интеллигенции Г. В. Ксенофонтов, Вацлав Серошевский отличался «незаурядной наблюдательностью» и «художественной интуицией» [Ксенофонтов, 1992, с. 84—85], которые способствовали раскрытию глубинной связи географического образа с мироощущением человека как в литературных произведениях, так и в научных изысканиях. Таким образом, «авторский ландшафт» В. Л. Серошевского представляет собой всесторонний интерес для междисциплинарных исследований, направленных на выявление «ментального поля на границе культурной или образной географии и литературы» [Замятин, 2002, с. 159].

Несмотря на то, что научное и художественное наследие В. Л. Серошевского не раз становилось объектом исследований, с точки зрения геоэтики изучение не проводилось. *Геоэтика* — новое международное понятие, приобретающее черты научного термина и охватывающее разнообразнейшие творческие способы взаимодействия человека с географическим пространством. В мировой интеллектуальной традиции этот концепт был разработан во второй половине XX века канадскими учеными (гуманитарный географ и лингвист Луи-Эдмон Амлен и его школа. — *Н. Д.*) как уникальный опыт человеческой цивилизации, как фактор, формирующий и определяющий идентичность народов [Сид, 2018, с. 10].

В российской науке классическим считается определение геоэтики, данное Д. Н. Замятым: «Литературное произведение, образ могут выростать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими — но и одновременно фактом своего существования созда-

вать их. Аутопойесис есть не что иное, как геопойесис — автор произведения сам формирует собственные геопозэтические координаты, “обрастает” землей, картографирует геопозэтическое пространство (пространства)» [Замятин, 2006, с. 159].

В основе геопозэтики наряду с прочим лежит «пейзажное мышление» — своеобразная проекция мироощущения и миропонимания на предметно-чувственный мир природы и мифологическое время. В этом контексте новизна исследования состоит в геопозэтическом осмыслении образа Севера, в описании того, как «личное переживание» автора выстраивается в некую модель, которая сыграла свою роль в организации его художественного мировосприятия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили художественные, научные тексты и эго-документы В. Серошевского. Целью исследования избрано выявление содержательной основы геопозэтики Серошевского — моделирования и трансформации образа Севера через призму «проживания и переживания» пространства. В основе дискурсивного анализа лежит концептуальная идея Д. Шартье о многомерном понимании геокультурного концепта «Север» и «Воображение Севера» [Шартье, 2017].

Сакральная этимология и ментальная репрезентация концепта Север за тысячелетнюю историю менялись от «terra incognita» до одного из привлекательных геокультурных образов (Скандинавия, Канада, Арктика, Русский Север, Крайний Север и т. д.), используемых в имидж-конструировании отдельных регионов. Сегодня геокультурный образ Севера стал объектом междисциплинарных исследований в зарубежной и российской гуманитарной науке и всесторонне раскрывается через различные дискурсы «извне» и «изнутри» [Шартье, 2017, с. 14], поскольку Север представляется как культурная конструкция и пространство, «производимое людьми и их практиками» [Ingold, 2000, p. 11]. Среди работ многочисленных российских исследователей отметим труды Д. Н. Замятина, Е. Н. Романовой, О. А. Мельничук, Ж. В. Бурцевой и др., где «Север», «северность» и «воображение Севера» раскрываются применительно к якутскому культурному тексту с точки зрения арктической сопространственности, пространственной идентичности и образов-топосов, составляющих когнитивную карту ментальной сети «холодной земли» [Геокультуры Арктики, 2017; Бурцева, 2020; Мельничук и др., 2022].

Для достижения поставленной цели используется историко-когнитивный подход, который даст возможность раскрыть ключевые коды и символические репрезентации географических образов, а метод интерпретации культурных текстов и лингво-культурологический анализ позволит

выявить и проанализировать метагеографические характеристики Севера, транслирующие различные стороны воображения и восприятия пространства в художественном и эпистолярном наследии В. Серошевского.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Верхоянский период: формирование

В 1880 году судьба забросила из Польши едва достигшего совершеннолетия Вацлава Серошевского, за участие в антиправительственных кружках, а затем и в бунтах заключенных, в самые отдаленные и глухие уголки Якутской области на долгих 12 лет, воспринимаемые в то время как «страна слез и льда», «дикое безмолвное место», «край земли» и т. д. Обстоятельства были таковы: за участие в бунте узников в Варшавской цитадели в июле 1879 года В. Серошевский был отправлен на поселение в Иркутскую губернию, но осенью того же года, в Красноярском остроге во время этапа Серошевский вновь стал одним из зачинщиков бунта заключенных и в качестве более сурового наказания был сослан в г. Верхоянск.

Свою ссылку Вацлав Серошевский отбывал на Крайнем Севере — в Верхоянске и Колымском округах и в Баягантайском и Намском улусах, где проживали центральные якуты (якуты — народ саха — подразделяются на центральные, вилюйские и северные этнолокальные группы). Таким образом, он имел возможность ознакомиться с этнолокальными особенностями якутского народа на обширной территории Якутии. Об этом сам Серошевский писал в предисловии к монографии «Якуты»: «Эти многократные перемещения и разъезды дали мне возможность составить себе некоторое представление о стране, записать и проверить много вариантов преданий и обычаев» [Серошевский, 1993]. В целом это позволило Серошевскому лучше освоиться с местной жизнью, выявить этнолокальные различия в социокультурных реалиях якутов и их ментальной связи с окружающим ландшафтом, что, конечно же, наложило отпечаток на его творчество, как научное, так и художественное.

Следует отметить, что в середине XIX века Якутия была тесно переплетена с образом Сибири и в ментальном плане особо не отделялась от общего представления нейминга более обширной территории. При этом на первый план стихийного конструирования образа Сибири выступали климатические особенности региона [Головнева, 2016, с. 213]. Как известно из различных источников, у поляков, в частности, любая российская глубинка считалась Сибирской окраиной, пограничной географической точкой и «нецивилизационной Азией» [Десяткова, 2015, с. 61]. Так, польские ссыльные, обосновавшиеся и в других регионах со специфическими природно-климатическими условиями, писали в своих письмах, что «находятся в Сибири, где

окраина земли, где дальше нет ничего живого» [Сливовская, 2010; Каменьский, 1989]. Таким образом, вся Сибирь считалась крайней географической точкой, «где заканчивался европейский мир и откуда нельзя было бежать» [Новински, 1998, с. 125], а Якутия представлялась inferнальным местом, о котором ссыльные говорили с ужасом [Серошевский, 1997, с. 568]. (Заметим при этом, что для самих сибиряков, польские «политики» представлялись как носители европейской культуры, оказавшие существенное влияние на их быт, жизненный уклад и менталитет).

Очевидно, подобные ментальные установки были заложены и в мировосприятии юного Серошевского, попавшего в самый что ни на есть, Полюс Холода — город Верхоянск, куда выслались особо неблагонадежные политические ссыльные. Но бунтарский дух, благодаря которому Серошевский и оказался на Севере, не позволил ему сломиться под тяжестью судьбы и удручающе мрачной обстановки, он сравнительно быстро адаптируется к обстоятельствам. В Верхоянске он становится умелым кузнецом, женится на якутской девушке Анне, у них появляется ребенок, вынашиваются планы дерзкого побега. Таким образом, Север не поглощает его, а буквально становится местом инициации. Для Серошевского Верхоянск представляется не как место, «откуда нельзя бежать», а как место, где ссыльные *«не хотели с достаточным смирением подчиниться нестерпимому гнету российской ссылки»* [Серошевский, 1997, с. 319]. Примечательно, что так начинается его автобиографическая повесть «Побег», где ярко демонстрируется конфликт автора и Севера как пространства неволи. Финальный пассаж повести неопределенными штрихами указывает на возможную «победу» Севера: *«За этой толпой ревели черное взбалмученное море, а из-под подымавшихся вверх туманов выглядывали бледные, радужные тени льдов, плывших с грохотом к земле»* [Там же, с. 404]. Читателю повести приходится самому гадать: удалось ли беглецам вдохнуть воздух свободы или же они были настигнуты погоней? Серошевский писал Л. Ф. Пантелееву (участнику революционного движения, книгоиздателю, автору мемуаров о сибирской ссылке), что намеренно затуманил концовку повести: «Героев ловят и даже не ловят, а неизвестно, что с ними случается» [Ровнякова, 1968, с. 139]. Здесь обратим внимание, что в повести в качестве пограничного минус-пространства выступает море. Следует отметить, что топосы моря и льда — устойчивые архетипические образы, наделяющие пространство Севера негативными характеристиками хтонического мира. Но в мифопоэтическом сознании образ моря амбивалентен. С одной стороны, море связано с представлением о первобытном Хаосе и миром мертвых, с другой — Вода — это символ жизни, очищения и перерождения.

Итак, в геопоэтике Серошевского верхоянский период его ссылки соотносится с мифологическим мотивом символической смерти / перерождения и через образ моря освобождает его от ощущения фатальной обреченности, даруя ему новую жизнь. Север от радикально иного и чужого мира становится местом инициации, а топоним моря превращается в аналог материнского лона (по В. Топорову), где рождается новая личность и новый жизненный сценарий. Так начинается второй период его ссылки за полярным кругом — Колымой; за соответствующей номинацией к тому времени прочно закрепилась метафора безысходности и смерти.

3.2. Колымский период: противостояние

С первых же дней пребывания в верхоянской ссылке Серошевский начинает изучать язык, собирать этнографический и фольклорный материал, которые затем станут основой его фундаментального труда. Очевидно, для молодого Серошевского первоначальная цель была связана с обретением скорой свободы и неприятием Севера как места неволи и смирения, и только два неудачных побега вынудили его смириться с реальностью. Но здесь, на Колыме, на самом краю земли, за которым находился Северный Ледовитый океан, где Север в силу природно-географических причин являлся местом борьбы за выживание, требовавшим от человека каждодневного преодоления самого себя на границе мира природы и мира людей, Серошевский задумал стать «бытописателем Сибири» [Серошевский, 1997, с. 496]. Действительно, подлинное начало творческой деятельности Вацлава Серошевского было связано с Севером. Народ саха, в силу неизвестных обстоятельств оказавшийся в далеком северном крае, изумил Серошевского. В своем труде «Якуты» Серошевский писал об этом народе как о «закаленном, легко приспосабливаемом племени, обещающем превратиться в сильный народ» [Серошевский, 1993]. Наблюдения за жизнью и бытом якутов побудили его сконструировать новый жизненный сценарий, в котором сформировался новый символический конфликт персонажа с минус-пространством Севера: *противостояние*. Серошевский принимает вызов судьбы и словами казака-конвоира, который сопровождает его до Среднеколымска, дает себе установку: «Вы уже получили один раз урок! Тут другие законы, чем в ниверситетах» [Серошевский, 1997, с. 481]. Он вступает в сакральный договор уже с духами Севера: «*Мы повесили по пучку конских волос на кресте, стоящем на перевале и обвешанном шнурками, тряпочками, бусами — дарами духу земли в благодарность за удачное путешествие. Наше было не очень счастливым, но ... лучше дать и не дразнить нечистую силу*» [там же, с. 481].

В Среднеколымском округе, в маленьком наследе Андылаах Серошевский написал свой первый рассказ «Хайлах» («Заключенный») о трагическом

столкновении ссыльного разбойника с местными жителями-якутами. Постепенно у Серошевского накопился целый цикл рассказов, написанных в тоске вдаль от своей исторической родины, мягкого климата, от своей жены и дочки, которые были полны трагических событий и мрачной сюжетно-композиционной структуры. При этом красной нитью через весь его авторский ландшафт проходит семантика пограничья (границы между миром людей и миром иномирья), которая выражает мысль о пограничном состоянии самого автора. Так же можно трактовать и его псевдоним (*Вацлав*) *Сирко*, что в переводе обозначает «серый», то есть пограничный цвет между черным и белым. Это мироощущение, восприятие себя как находящегося на рубеже, сохранится у Серошевского и позднее, когда он будет уже вдаль от Севера.

Пространственная модель Севера базируется на мифологеме «свой — чужой» как части хронотопической структуры мифа [Бурцева, 2020, с. 339]. Следует отметить, что в произведениях исследователей, писателей конца XIX века (В. Г. Тан Богораз, А. А. Бестужев-Марлинский, В. Г. Короленко и др.) северная земля подвергается осмыслению в основном через понятие «чужого» пространства и обретает характеристики и свойства мифологической страны мертвых.

Первые рассказы, написанные во время ссылки на Колыме, всякий раз показывают противоборство двух оппозиций: цивилизованный — дикий; ссыльный — местный; город — провинция; дом — дорога; побег — обустройство жизни и т. д. В. Серошевским реальное географическое пространство также наделяется фантастическими признаками мистического, живущего своей жизнью, ужасающего, призрачного иномирья. Ландшафт номинируется им как *Шайтан-тумул* (Лес дьявола), *Мыс мертвых*, *Царство застывших озер и лесов*, *царство зимы*, *край лесов*, *полярный лес — кладбище леса*, *поле битвы*, *умирающий лес*, *столица мрачных пустынь* (*Джурджуи*). Особую смысловую нагрузку в его «Якутских рассказах» несет концепт КРАЙ, который может интерпретироваться как чужбина, окраина жизни, крайность, конец. Но данный ассоциативный ряд разбавляется и смысловыми параллелями, обозначающими неприятие автором минус-пространства Севера. Описывая в самом реалистичном и мрачном контексте жизнь прокаженных (Предел скорби, 1896), Серошевский привносит мотив надежды на светлое будущее через образ маленькой девочки Бытархай, или однообразный серый фон окружающей жизни разбавляет образом красивой девушки Лельи (На краю лесов, 1895), или среди ущемленного во всех отношениях забитого племени на краю земли находит человека, подобно горьковскому Данко, способного отдать свое сердце ради своего народа (В жертву богам, 1893).

В 1887 году Вацлава Серошевского наконец переводят в Намский улус в Хатын-Арынский наслег (волость), где у него было «около десяти деся-

тин земли, обработанное поле, огород, пастбище — всё за ограждениями». Так, постепенно у Серошевского выстраивается идеальное представление дома, где он уже не выживает в состоянии конфликта с образами-топосами, а находится в стадии созидателя-творца.

За время ссылки в Намском улусе Серошевский написал несколько рассказов, занимался больше всего своим хозяйством и работал над завершением монографического труда «Якуты». Здесь, в легендарной долине *Эн-сиэли*, с которой начинается этническая история народа саха, Серошевский больше утверждает в своей теории о южном происхождении якутов: он полагал, что они пришельцы из южных степей. Как чуткий художник беллетрист, Серошевский констатирует в наклонностях, привычках и поэтических произведениях якутов любовь «к степному простору, к широким ровным полям». Символично, что с последней его локацией — Намским улусом — ассоциируется топос открытого пространства / степной долины, который открывает перед Серошевским большой мир, и этим завершается его личная эпопея с Севером — *«ландшафтом испытаний»*.

3.3. Трансформация образа Севера

Через 12 лет, в 1892 году, Вацлав Серошевский уезжает из Якутии, по собственному выражению, «с тремя рублями в кармане, с маленькой дочкой Марией и с толстой тетрадью этнографических материалов». С этого времени заканчивается период его якутской ссылки, и образ Севера, холодного края, остается позади. В 1894 году он завершает свой труд «Якуты: опыт этнографического исследования», получает высокую награду Русского географического общества. В 1896 году издает свой труд в Санкт-Петербурге, укрепляет свой научный авторитет и уезжает на родину, но его дочь Мария остается в России. В его сердце навсегда поселяется трансформированный образ Севера — уже не как края земли, а как *«милое сердцу место»*, что прослеживается в его личных переписках и мемуарах, которые он написал уже будучи у себя на родине. С отъездом Серошевского в Польшу связи его с Россией сильно ослабли. Единственным звеном, соединявшим писателя с русской литературной жизнью, был Л. Ф. Пантелеев, с которым его связывала тесная дружба и взаимная поддержка. В письмах к нему он признавался, что за время ссылки отдалился от поляков, а горячо любимая Польша после Сибири кажется ему маленькой и тесной [Серошевский, 1997, с. 586].

Как показывают эго-документы В. Л. Серошевского, он тесно общался и с Григорием Николаевичем Потаниным, в своих письмах к нему часто писал о своей тоске по Сибири: *«Страсть как хочется еще раз побывать у вас, пить чай и услышать мелодичный голос сибиряков»*, высказывал сожаление, что больше не увидит и никогда не покажет своим сыновьям сибирские просторы [Архив НБ ТГУ, ф. 77/3927-3976.].

Примечательно, что в его «Воспоминаниях» авторский ландшафт уже не обогащен мрачными сравнениями Севера с inferнальными местами, а описывается уже в позитивно-положительном ключе, и наблюдается уже другого уровня геопоэтическая рефлексия, выражаемая через проекцию «своего», «родного» мира. Выстраивая ментальную карту своих воспоминаний, Серошевский писал: *«Интересно, каким образом перелетные птицы узнавали о состоянии снежного покрова и возможности покормиться на севере»*. Так, Север уже не транслирует «нарратив неволи», а моделируется как идеальное место для жизни посредством контрастных пространственных характеристик: ее красоты и суровой правды, пересечения мифа и реальности, далекого и близкого.

Чарующая природа дикого севера, с одной стороны, и рано развившаяся зоркость глаза, равно как и высокая избирательность художнической памяти Серошевского — с другой, способствовали формированию особого образа мышления будущего художника. Увиденное на Крайнем Севере стало источником, из которого потом выросла существенная часть написанного Серошевским. Сибирская тема послужила источником лучших произведений писателя, таких как повесть «На краю лесов», «В сетях», «Предел скорби», рассказы «Хайлак», «Чукчи» и мн. др. Именно эти произведения Серошевского являются, по замечаниям критиков, «прекрасными художественными образцами, своеобразными документами по изучению Якутского края» наряду с сочинениями В. Г. Короленко, В. Тана, Н. Осиповича и П. Драверта [Ровнякова, 1970].

4. Заключение = Conclusions

Литературное произведение не может создаваться вне времени и пространства, и прежде всего географического пространства: реального или вымышленного [Марьин, 2016, с. 135]. В этом контексте геопоэтика выступает как матрица оригинальных моделей воображения, в рамках которых формируются представления о природе, развиваются самобытные локальные мифологии (как традиционные, так и нео-мифотворчество), происходит становление восприятия пространства на основе глубинных географических образов-архетипов. Все это выражается через «авторский ландшафт», основу которого создают различные сочетания архетипических образов, локальных мифологий и совокупность индивидуального восприятия геокультурного пространства.

Геопоэтика Вацлава Серошевского связана прежде всего с его личными переживаниями и трансформируется в зависимости состояния. От этого зависит и пространственно-временная экзистенция его творческого наследия.

Выявлены три основных периода в автобиографическом хронотопе В. Серошевского. Для автобиографического хронотопа характерно следующее: реальное биографическое время почти полностью растворено в идеальном и абстрактном времени метаморфозы [Бахтин, 1975, с. 58—59];

Первый период якутской ссылки Серошевского связан с Верхоянским округом — местом пересечения его бунтарского духа, собственного эго и Севера, не только как географическое пространство, но и как inferнальное место. Известно, что для многих политссылных, Север стал местом не только отчуждения, но и неминуемой смерти. Но для юного Вацлава Серошевского Верхоянск стал местом инициации, где прослеживается мифологический сценарий: перемещение героя из страны жизни в пространство символической смерти, пребывание в нем и нравственное воскресенье, обретение нового качества личности. Эта сюжетная схема восходит к обряду инициации, в результате которой формируется новый человек, прошедший испытания и перешедший на новый уровень развития [Завгородняя, 2016, с. 47].

Второй период автобиографического хронотопа Серошевского представляется как время становления устойчивого образа Севера как минус-пространства. Находясь в самом краю географического Севера, Серошевский выстроил собственное пейзажное мышление, благодаря которому Север как пространственная категория и минус-пространство могут повлиять на окружающую обстановку, но не способны сломить духовное составляющее.

Третий период, начавшийся после ссылки и возвращения на родину, ярко прослеживается в его эпистолярном и художественном наследии, где негативный образ Северного края постепенно меняется и обрастает положительными качествами уже «своего» пространства. Здесь прослеживается мотив жертвенности, который был близок Серошевскому, как всем романтикам-революционерам, полагавшим, что они отдали свои молодые жизни ради счастья народа. Мир природы и мир человека постоянно пересекаются и взаимодействуют, при этом автор не просто описывает состояние природы, а рассказывает о своем индивидуальном восприятии местности.

Источники и принятые сокращения

1. Архив НБ ТГ — *Архив* Научной библиотеки Томского государственного университета. Ф.77/3927-3976. Письма В. Л. Серошевского (Архив Г. Н. Потанина).
2. *Сливовская В.* Польская Сибирь — мифы и действительность [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://polonia42.ru/news_269.html (дата обращения 10.07.2022).

Литература

1. *Армон В.* Польские исследователи культуры якутов / В. Армон. — Москва : МАИК Наука/интерпериодика, 2001. — 172 с. — ISBN 5-7846-0026-5.

2. *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 17—167.

3. *Бурцева Ж. В.* Крайний Север как геопоэтический образ в литературе малочисленных народов севера Якутии / Ж. В. Бурцева // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». — 2020. — Т. 30. — Выпуск 2. — С. 337—342. — DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342.

4. *Головнева Е. В.* Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации / Е. В. Головнева // Социально-экономический гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2016. — № 4. — С. 211—220.

5. *Десяткова О. В.* Культурный ландшафт Вятки в метагеографическом измерении / О. В. Десяткова, Т. С. Гордилова. — Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2015. — С. 169. — ISBN 978-5-4475-3075-4.

6. *Завгородняя Н. И.* Неомифология Алтая в текстах А. В. Коробейщикова / Н. И. Завгородняя // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — С. 43—47. — ISBN 978-5-88210-836-5.

7. *Замятин Д. Н.* Геокультурное пространство Арктики : онтологические модели воображения / Д. Н. Замятин // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. — Москва : «Канон+», 2017. — С. 28—92. — ISBN 978-5-88373-511-9.

8. *Замятин Д. Н.* Культура и пространство : Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 488 с.

9. *Замятин Д. Н.* Определение геопоэтики / Д. Н. Замятин // Геопоэтика и география. — 2002. — № 4. — С. 159—163.

10. *Каменьский Г.* Письма из ссылки [Машинопись] / Г. Каменьский ; пер. с польск. А. А. Герасимчук. — Киров : [б. и.], 1989. — 481 с.

11. *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай сахалар : Очерки по древней истории якутов // Г. В. Ксенофонтов. — Якутск : Бичик, 1992. — Книга 1. — 415 с.

12. *Марьин Д. В.* О семиотическом потенциале некоторых топонимов Алтая в творчестве В. М. Шукшина / Д. В. Марьин // Геопоэтика писателей Сибири и Алтая. — Барнаул : АлтГПУ, 2016. — С. 135—140. — ISBN 978-5-88210-836-5.

13. *Мельничук О. А.* «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? / О. А. Мельничук, С. С. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 106—130. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130.

14. *Новински Ф.* Казань глазами политссылных / Ф. Новински // Польская ссылка в России XIX—XX веков : региональные центры. — Казань : Мастер лайн, 1998. — С. 124—130. — ISBN 5-93139-004-9.

15. *Ровнякова Л. И.* Вацлав Серошевский и его русские корреспонденты (по материалам неизданной переписки) / Л. И. Ровнякова // Славянские литературные связи. — Ленинград : Наука, 1968. — С. 124—165.

16. *Ровнякова Л. И.* Вацлав Серошевский — исследователь Якутии / Л. И. Ровнякова // Польско-русские литературные связи. — Москва : Наука, 1970. — С. 333—344.

17. *Романова Е. Н.* Биографические топосы памяти М. З. Винокурова (память, стратегии, идентичность) / Е. Н. Романова // Локальная и региональная история в глобальном измерении : мир якутской эмиграции между Востоком и Западом : сборник научных статей. — Новосибирск : Наука, 2021. — С. 90—107. — DOI 10.7868/978-5-02-041464-8.

18. *Серошевский В. Л.* Якуты : опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. — Москва : РОССПЭН, 1993. — 736 с. — ISBN 5-86004-001-6.

19. *Серошевский В. Л.* Якутские рассказы, повести и воспоминания / В. Л. Серошевский ; [ред. и послесл. С. А. Степанов]. — Москва : Кудук, 1997. — 591 с.
20. *Сид И.* Геопозитика. Экспедиционный формат / И. Сид. — Москва : Арт Хаус медиа, 2018. — 340 с.
21. *Шартье Д.* Что такое «воображение Севера»? / Д. Шартье // Геокультуры Арктики. Методология анализа и прикладные исследования. — Москва : «КАНОН+», 2017. — С. 13—28. — ISBN 978-5-88373-511-9.
22. *Ingold T.* Culture, nature, environment : steps to an ecology of life / T. Ingold // *The Perception of the Environment*. — London : Routledge, 2000. — Pp. 13—27.

Material resources

Archive of the Scientific Library of Tomsk State University. F. 77/3927-3976. Letters of V. L. Seroshevsky (Archive of G. N. Potanin). (In Russ.).
Slivovskaya, V. Polish Siberia — myths and reality. Available at: http://polonia42.ru/news_269.html (accessed 10.07.2022). (In Russ.).

References

- Armon, V. (2001). *Polish researchers of Yakut culture*. Moscow: MAIK Nauka/Interperiodika. 172 p. ISBN 5-7846-0026-5. (In Russ.).
- Bakhtin, M. M. (1975). Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. In: *Questions of literature and aesthetics: Studies of different years*. Moscow: Fiction. 17—167. (In Russ.).
- Burtseva, Zh. V. (2020). The Far North as a geopoetic image in the literature of the small peoples of the North of Yakutia. *Bulletin of the Udmurt University. The series "History and Philology"*, 30 (2): 337—342. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-2-337-342. (In Russ.).
- Chartier, D. (2017). What is the “imagination of the North”? Geocultures of the Arctic. In: *Methodology of analysis and applied research*. Moscow: Canon+. 13—28. ISBN 978-5-88373-511-9. (In Russ.).
- Desyatkov, O. V., Gorodilova, T. S. (2015). *The cultural landscape of Vyatka in the metageographic dimension*. Moscow, Berlin: Direct-Media. 169. ISBN 978-5-4475-3075-4. (In Russ.).
- Golovneva, E. V. (2016). Formation of the image of Siberia in the process of its colonization. *Socio-economic Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*, 4: 211—220. (In Russ.).
- Ingold, T. (2000). Culture, nature, environment: steps to an ecology of life. In: *The Perception of the Environment*. London: Routledge. 13—27.
- Kamensky, G. (1989). *Letters from exile [Typescript]*. Kirov: [b. i.]. 481 p. (In Russ.).
- Ksenofontov, G. V. (1992). *Uraanghai sakhalar: Essays on the ancient history of the Yakuts, I*. Yakutsk: Bichik. 415 p. (In Russ.).
- Maryin, D. V. (2016). On the semiotic potential of some Altai toponyms in the works of V. M. Shukshin. In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai*. Barnaul: AltGPU. 135—140. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).
- Melnichuk, O. A., Pavlov, S. S. (2022). ‘Nordicity’, ‘Imagined North’ or ‘Concept Sphere of Arctic Discourse’? *Nauchnyi dialog*, 4: 106—130. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130. (In Russ.).
- Novinsky, F. (1998). Kazan through the eyes of political messengers. In: *Polish exile in Russia of the XIX—XX centuries: regional centers*. Kazan: Master Line. 124—130. ISBN 5-93139-004-9. (In Russ.).

- Romanova, E. N. (2021). Biographical topos of M. Z. Vinokurov's memory (memory, strategies, identity). In: *Local and regional history in the global dimension: the world of Yakut emigration between East and West: a collection of scientific articles*. Novosibirsk: Nauka. 90—107. DOI 10.7868/978-5-02-041464-8. (In Russ.).
- Rovnyakova, L. I. (1968). Vaclav Seroshevsky and his Russian correspondents (based on unpublished correspondence). In: *Slavic literary connections*. Leningrad: Nauka. 124—165. (In Russ.).
- Rovnyakova, L. I. (1970). Vaclav Seroshevsky — researcher of Yakutia. In: *Polish-Russian literary relations*. Moscow: Nauka. 333—344. (In Russ.).
- Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuts: experience of ethnographic research*. Moscow: ROSSPEN. 736 p. ISBN 5-86004-001-6. (In Russ.).
- Seroshevsky, V. L. (1997). *Yakut stories, novellas and memoirs*. Moscow: Kuduk. 591 p. (In Russ.).
- Sid, I. (2018). *Geopoetics. Expedition format*. Moscow: Art House media. 340 p. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2002). Definition of geopoetics. *Geopoetics and Geography*, 4: 159—163. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space: Modeling of geographical images*. Moscow: Znak. 488 p. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2017). Geocultural space of the Arctic: ontological models of imagination. In: *Geocultures of the Arctic. Methodology of analysis and applied research*. Moscow: Canon+. 28—92. ISBN 978-5-88373-511-9. (In Russ.).
- Zavgorodnaya, N. I. (2016). Neomythology of Altai in the texts of A. V. Korobeishchikov. In: *Geopoetics of writers of Siberia and Altai*. Barnaul: AltGPU. 43—47. ISBN 978-5-88210-836-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.07.2022,
одобрена после рецензирования 05.08.2022,
подготовлена к публикации 23.08.2022.